

Маргиналии о геополитике

(При чтении диссертации В.Л. Цымбурского
«Морфология российской геополитики и динамика
международных систем XVIII–XX вв.»)

У меня есть задолженность перед покойным Вадимом Леонидовичем, о которой, кажется, я так ему и не сказал. В 1994 году он заочно помог мне связать воедино разрозненные и оттого несносные для ума впечатления от событий в России. Перед тем была мучительно долгая пауза 1991–1993 годов, когда я не готов был встретиться с реальностью напрямую. Октябрь 1993 года опустошил словарь, оставив злые, только публицистически выразимые чувства. Но публицистика к этому времени уже была бесполезна – худшее произошло, и неожиданно для себя я попал в рабство *данному*. Нас поработил ход вещей, который мы не могли изменить, хотя отказывались принять. Больше интеллектуальной отчужденности и вражды к политическому статус-кво, чем в 1993–1994 годах, я, наверное, не испытывал ни разу в жизни. Но это был бесплодный рессентимент, да и мстить, собственно говоря, было некому. Онемение не поддавалось дискурсивной атаке – спорить стало не о чем и не с кем. Страну будто населяло несколько разных народов, отказавшихся говорить друг с другом.

Меня, все еще известного публициста, часто упрашивали «что-нибудь написать» – но я не мог. Начиная, захлебывался собственной желчью и бросал недописанным. В один из таких моментов – шел конец лета 1994 года – я еще раз попытался заставить себя писать. Чтобы от чего-нибудь оттолкнуться, взял номер журнала «Полис» и вышел на балкон. Читая эссе В.Л. Цымбурского «Остров Россия», я поглядывал вниз, во двор в одном из солнцевских микрорайонов.

И неожиданно для себя увлекся этой довольно большой и ученой статьей с солидным справочным аппаратом. Впечатления от чтения странным образом смешивались со звуками, доносившимися снизу со двора, но не нарушали хода мысли – ни моего, ни статьи Цымбурского. Вид с балкона, устрашающий, как и положено московской разрухе 1994 года, вдруг предстал ландшафтом «беловежской» России, одновременно устрашающей – и нормальной, живой. Теоретически зная, что новая норма часто приходит жуткой, прежде я, видимо, не соглашался с этим. Цымбурский писал о России, не отводя взгляда, но как бы чуть искоса, не придавая значения публицистически явным уродствам. И не я, а мой мозг ощутил призыв взглянуть на вещи прямо, не горбясь от груза русских катастроф. Преступления совершены и уже развернулись в ландшафт; этот ландшафт теперь лег перед нами как новое место жизни, предмет мышления и заботы. «Там была свобода, и жили другие люди, совсем не похожие на прежних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стада его».

Это был интеллектуально освобождающий для меня момент. Меня не привлекла собственно геополитическая рамка статьи Вадима Леонидовича, но вдохновил холодный энтузиазм его мысли, непринужденно переходящий в

Павловский Глеб Олегович, политолог и журналист.

текст. Его постоянные **«давайте приглядимся к этому поближе»** диктовали курс любой будущей речи о России, открывая ее возможность. Непосредственным результатом стало то, что я «заговорил»! Прямо с этого дня я стал писать свое эссе «О беловежских людях», вошедшее (вместе со статьей самого Цымбурского) в сборник «Иное» под редакцией Сергея Чернышева.

Здесь сработала интуиция еще одного скрытого мотива статьи Цымбурского. Мотива, в котором я тогда, по всей видимости, нуждался, как в витамине, – мысль о **праве вмешаться** в процесс, идущий помимо тебя и, по твоему пониманию, незаконно. Собственно, мотив выражен открыто странной фразой в конце статьи «Остров Россия»: «Для России сейчас очень хорошее время, дело только за политиками, которые это поймут». Тут я вернулся в обычное для себя состояние ума – когда любую отвратительную ситуацию разглядываешь с интересом, как при рекогносцировке. Отсюда уже совсем недалеко до философии «эффективной политики», которой я вскоре увлекся.

Но тогда, в 1994 году, собственно *геополитическое* содержание этого великолепного эссе ничуть меня не увлекло. Не увлекает оно меня и сегодня. Читая неоконченный труд В.Л. Цымбурского, я пытался уяснить, что именно не нравится мне в геополитике. Эти заметки-маргиналии на полях незавершенной научной работы – мое жалкое приношение покойному другу.

1

Что является исходным пунктом нашего политического мышления об актуально происходящем? То, что мы не способны его мыслить, располагая будто бы всеми прежними средствами и инструментами мышления. Мы описываем свое отношение к текущему, обозначая его как «ситуацию», «современное положение». Но всё это ведь ничуть и нисколько не ситуация. Однако события как-то развиваются, и нам надо взглянуть на них в упор.

Цымбурский хотел уйти от проклятой приблизительности и метафоричности бесчисленных «взглядов на Россию» – но так, чтобы не попасть самому в объятия так называемой научности, которая фактически выступала в РФ как импорт терминологических лексиконов. Он хотел помочь русским действовать в интересах России, вразумительным образом действовать государственно. Для этого нужно было найти опору этим будущим решениям. Первым ходом многих, столь разных в 1990-х, как, например, я и Цымбурский, был: строить «теорию, дающую советы власти». Отсюда геополитика Цымбурского, отсюда же и то, что я называл в 1990-х то «прикладной политологией», то «исторической технологией».

В сущности, Цымбурский ведет поиск критической теории о России. То есть теории, которая не будет разнесением проблем России по отраслям – с дроблением, теряющим целое, открывая путь для манипуляций. Где каждый может выбрать более удобную ему теорию, а выгода маскируется под выбор концептуальной школы: таковы «институционализм», «монетаризм» и т. п.

Ядро геополитики по Цымбурскому – это «искусство наложения еще не вполне проясненных для общества кратко- и среднесрочных требований на тысячелетние ... ландшафты». Не исключено. Но именно здесь требуются разъяснения, поддающиеся верификации.

2

Жестокий Цымбурский не удержался от того, чтобы в пику тезису геополитика Спайкмена о географии как самом постоянном факторе политики напомнить реплику Людовика XIV при восхождении Бурбона на испанский престол: *«Нет больше Пиренеев!»*. Собственно говоря, вот – кратчайший ответ политики на геополитику.

*

Страны-кубики. У В.Л. Цымбурского ссылка на Паркера, который рассматривает мир из отдельных «государств-кубиков». Геополитика же – «учение об узорах и структурах, которые могут быть из них сложены». Здесь мы опять встречаемся с идеей приравнивания реальной политической – то есть внутренней – жизни нации и полисов к константе, к гомогенному наполнителю структуры «вечных интересов».

Цымбурский говорит о парадоксе Российской империи, которая на подъеме выстраивает свое мировое место в мире, уже выстраиваемом *другой* – европейской цивилизацией, носительницей «другого» христианства. Отчасти верно, но «другое» здесь действует как значок уравнивания в заданной наперед конфронтации. Работает геополитическое спрямление – фиксации миров в их раз и навсегда заданном значении: Запад есть Запад – Восток есть Восток, католичество не есть православие и т.п.

Трудно отделаться от впечатления, что геополитическое мышление представляет собой радикальный разрыв с христианским мышлением о государстве. Геополитика – антиуниверсальна, и выстраиваемые ею схемы под «центрами» обычно разумеют автономные миры. Эти миры не самодостаточны лишь в силовых схемах относительно друг друга, представляясь самодостаточными внутренне.

Пространство выступает внешним по отношению к истории этих миров, как бы заранее им предначертанное, а не проблематизирующее. Смысл борьбы за это стерильное пространство разъясняется через такие же самозамкнутые стерильные понятия «выхода к морям», «незамерзающих портов», «буферных пространств».

*

Геополитика и застывшие мысли. Геополитик вечно рассуждает об «обеспечении положения» и «закреплении преимуществ». При этом, как правило, речь идет о неразложимых ментальных атомах, ибо на деле никакие положения, предместья, коридоры и тем более безопасности – не бывают ни вечными, ни даже долговременными. В этом смысле геополитика – одно из худших хобби для серьезного политика и дипломата. Но это наводит на мысль, что бесконечные «пространства», которые конструирует и деконструирует геополитик, подобно ребенку, увлекающемуся лего-трансформерами, – *скрыто технологично* и близко к идее устойчивой конфигурации техник, операций и представлений о ресурсах. Отчасти то, что Фуко вкладывает в термин «диспозитив».

Сюда же относятся и термины, которыми буквально измучивают мозг читателя геополитические тексты: «естественные границы», «естественные союзники» и «естественные пределы». Всё это – транквилизаторы, убалтывающие аналитический мозг, будто бы он приобрел немислимую возможность прямо созерцать реальность as is.

*

Мотивы действий внутри геополитической игры спрямляются – чего никогда не позволяет себе добрый историк. Если политик совершает геополитически значимый ход, это почти никогда не объясняют внутренними обстоятельствами (которыми чаще всего это и объясняется), а игрой на глобусах – созданием угрозы другим «мирам», в рамках той или иной Большой игры. Но почему это вообще геополитика, а не история дипломатии?

*

Геополитика и Weltpolitik. Интересно обращение геополитики с понятием «мирового», отмеченное Цымбурским в связи с Маккиндером. Неотъемлемой от

геополитики он считает доктрину «евроазиатского хартленда как ключа к мировому господству». Можно предположить в геополитике убежище для неудачливой *Weltpolitik*. Геополитика скрывает мировое измерение политик, которыми хочет манипулировать, по возможности не упоминая про «управление миром».

Отсюда такой признак вторичности, как **«вчитывание»** образов-корректировок в изменения текущей политики. Такова идея мирового «осевого ареала» Маккиндера, высказанная в 1943 году, в год явного уже перелома в ходе Второй мировой войны. А перед тем – вчитывание Хаусхофером концепции раздела мира по «меридиональным гегемониям» (пан-Европа, пан-Азия, пан-Россия и пан-Америка) – в 1934-м, когда вся Европа была одержима модой гегемонии и господств.

Вообще идея «господ и господств» абсолютно интимна для геополитики. Опять-таки сошлюсь на Цымбурского с идеей «приморья-римленда как инкубатора держав – мировых господ», выдвинутой в 1916 году Семеновым-Тянь-Шанским и также отнесенной Цымбурским к числу ключевых для геополитики. Всякий раз мы находим почти мгновенную проекцию моды на глобус.

*

Центры и «лагеря» в геополитике. Сквозное у Цымбурского, но отнюдь не только у него – рассуждение о сближениях и вражде разных мировых «лагерей». Но этот архаизм из военного лексикона стал осмысленным политическим термином только после Ялты, в эпоху холодной войны XX века. Коалиции прежних времен были текучи и подвижны, они не были зафиксированными на глобусе лагерями, зорко отслеживающими любое проникновение в свою зону. Внутри геополитики понятие «центра влияния» и «лагеря» постоянно является фактической модернизацией, навязывающей современные страсти другим эпохам – а точнее, вчитывающей их туда.

*

Геополитика и этатизм. Цымбурский верно отмечает неприятное свойство, о котором геополитики не любят говорить прямо, – ее махровый *этатизм*.

Проблема геополитического этатизма – даже не в ставке на государство как ценность, а в нерелевантно-женственном очаровании государством – при отказе твердо указать, какие именно задачи ему должно решать. Этатизм подставляет государство как **разрешение** задач стратегической повестки дня – на место самой *agenda*. Но тогда государство лишается разработанного курса политики, переходя на самообслуживание власти – в которое с радостью включается невостребованный геополитик. Это не приводит к росту необходимых компетенций.

И я еще раз склоняюсь перед критической пронизательностью Вадима Цымбурского, который констатирует: «Геополитик обычно выбирает в качестве главного определенное политическое отношение – господство, соревнование или кооперацию, на которые делает основную ставку в своих конструктах». **Господство** (его мы при проектировании новой власти с Александром Ослоном во второй половине 1990-х годов именовали обычно **«доминированием»**) в личности не нуждается. Личность в поле конструирования геополитики отсутствует – в отличие даже от полицейского или правового этатизма. Со временем это скажется на выветривании последних представлений о суверенитете личности внутри суверенной России. А также – на выветривании традиции, кровно связанной с идеей свободной, критически мыслящей личности – то есть русской политической республиканской традиции.

Здесь справедлив приговор Цымбурского такой геополитике как деятельности, которая «имитирует процесс принятия политических решений, а

иногда прямо включается в этот процесс». Добавлю, что включение в процесс происходит на третьестепенных ролях.

Есть ли вообще в геополитике что-либо кроме этого?

3

Цымбурский конструирует российскую геополитику «в ранге второй парадигмальной геополитики» наряду с западной – классической школой геополитики XX века. Россия превращается в родину восточных геополитических слонов. В этом не было бы ничего невозможного, если бы западная геополитика давала связное представление политики Запада и его дипломатии. Проблема, однако, в том, что такое толкование явно проще и разумнее искать у Макиавелли, Токвиля и Киссинджера, чем у Маккиндера, Хаусхофера или Данилевского.

Политика и история Европы – вот ее истинный ландшафт.

*

Геополитика России занята проектированием «большого пространства России», притом что российское пространство уже сложилось, фактически без всякой геополитики.

Цымбурский постулирует единый импульс к конструированию «своего особого российского пространства из земель, которые обретались бы за пределами коренной Европы, не входя в ее расклад, – или могли бы быть изъяты из этого расклада». Справедливое и глубокомысленное суждение. Но ведь всё это происходит уже внутри большого пространства Московской Руси – России, создавшегося вне какого бы то ни было конструирования тектоническим импульсом XVI–XVIII веков.

Пространство России отождествляется с географическим пространством ее (в виде ли империи, СССР и т.п.), нивелируя центральность метаполитической задачи *держания пространства*, – инструментом которого и стал «социум власти» по Гефтеру. Его «конструирование» велось средствами колонизации властью своего же населения внутри российской Гипербореи, рухнувшей на Москву вслед нашествию Степи.

*

Российские циклы. В.Л. Цымбурский очень дорожил выявленными ими циклами «сжатия и расширения» и вообще геополитического ритма системы Европа – Россия. Действительно, мало кто вообще из рассуждавших о России в последние сто – двести лет не замечает странной повторяемости. Она часто вынуждает говорящего к уточнению – например, что «шестидесятничество» XIX века – это не «шестидесятничество» XX века, а Крымская война – не конфликт с Украиной в 2014 году. Разумеется, этот возвратный ритм России, череда обратимостей важны и должны быть разъяснены. Но разъяснит ли его **портретная модель** – то есть упорядочение задним числом реально протекавших по разным причинам событий и политик, движимых разными мотивами, с привязкой текущего момента к тому или иному месту в цикле? Что это подсказывает нам и нашему действию сегодня? А ведь Цымбурский мечтал подсказывать. Стремление столь понятное для многих из нас после 1991 года, но, как выяснилось, коварное.

*

Методическая суть геополитики – толкать и приучать мозг ко всё более наблюдательному поиску бесполезных аналогий. Отдал этому дань и Цымбурский. Ссылаясь на страхи генерала Фадеева насчет германской гегемо-

нии на Черном море, он замечает, что тот «опережает историческую динамику на 40 лет». Но есть ли хоть какой-нибудь смысл сравнивать русоцентристскую политику Бисмарка со вторжением в Россию Гитлера – европейского утописта?

Геополитика против времени. Похоже, что геополитический и исторический подход несовместимы в принципе. И об этом меня заставляют думать как раз наблюдательные и остроумные заметки Вадима, справедливо усматривающего связь между отправкой российской эскадры в США в 1863 году, активизацией России в Иране и английским демаршем по поводу польского восстания. Любопытно, как часто забывают об этих синхронизациях, а в геополитике – забывают всегда. Потому что каждое из этих действий объясняется, исходя из особых «стремлений к теплым морям», «логикой Каспийского коридора» и т.п. чепухой.

*

Наблюдения Цымбурского почти всегда интересны. Например, то, что «с начала петербургского периода сама культурная тема России в сознании ее образованного класса изменяет свой смысл». Речь о зарождении новейшего русского универсализма, отличного от староимперского и раскрывшегося в русской культуре XIX века, а затем ленинским и советским зигзагом русской истории. Но почему и к чему здесь «геополитический опыт империи»?

Что бы сказал (воображаемый) «консервативный геополитик» Москвы конца XVII века об ошеломляющем европейском развороте Петра I? С чудовищной ломкой институтов русской государственной, культурной, социальной и даже церковной традиции? Петр, по поводу которого сегодня так комфортно рассуждать, – сущий геополитический монстр, «черный лебедь» России.

Революция Петра I при всей ее радикальности была не только насильственной и раскольничьей, но еще и культурно ущербной. Прямая цель и задача Петра – войти в европейский клуб. Но то был клуб господ истории – выработавших свою культурную универсальность стран, а не только военных хозяев положения. Дополнить свою имперскую амбицию адекватной ей культурной программой Петр не мог; не смог и весь XVIII век. Это осталось в работу XIX веку.

*

Это и есть авторская собственность Петра Чаадаева в русской мысли: дефект вхождения в клуб без разделения общих цивилизационных судеб, с вытекающими отсюда необозримыми надрывами. Отменна формула Цымбурского – «в судьбу европейского ареала мощно вклинился народ иного происхождения, не разделявший с западноевропейцами их цивилизационных судеб ни в Средние века, ни на заре Нового времени». Но догма «геополитического взгляда» мешает признать этот пункт за его автором, Чаадаевым. Потому что геополитика – это политика дворов и правительств, ей нечего делать с «басманным отшельником». И так во всем.

*

Тонко наблюдение Цымбурского о курьезе того, что до 1917 года термины «Восток» и «восточный вопрос» применялись к землям, находившимся относительно России вовсе даже на юго-западе – к Проливам, Малой Азии, Балканам. Цымбурский замечает, что и сегодня в нашем словаре «Ближний Восток» остается рудиментом взгляда на мировую карту не из Москвы, а «из Европы». Но ведь это и есть цена того самого петровского универсализма, извлечь который из политики империи XVIII–XIX веков невозможно, как центральный штифтик из «кубика Рубика», – не развалив ее всю.

*

Наблюдения Цымбурского насчет экспансии России в XIX веке в Центральной Азии остры и важны. Он не преминул заметить, что экспансия движима не планом, а осмосом повседневности – фиктивностью степных границ и нормой «двоеподданства» кочевых обитателей. Одно это опровергает само понятие «естественной границы».

Весьма интересна (со ссылкой на А.Е. Снесарева) замеченная Цымбурским исключительная роль местных губернаторов в этой экспансии, «действовавших при пассивном одобрении (а иногда даже малоактивном неодобрении) правительства». Крайне уместное напоминание применительно и к современным процессам.

*

Индия. Цымбурский справедливо ищет осевой мотив в спорадических и импульсивных российских рывках в направлении Индии, иные из которых сам именуется комичными. Здесь их связь времен несомненна, хотя скорее всего политическая. Российские размышления конца XIX века о переносе войны в Индостан с целью поднять индусов – абсолютно бессмысленные даже в функции сдерживания Англии – не только функционально однородны замыслам большевистской Москвы начала 1920-х годов «поднять Азию», но и, не исключено, имеют общий корень.

Но это **не геополитический корень**. Ленина интересовало не сдерживание Великобритании – его влекла идея цепной реакции разрушения мировых империй, того, что позже станет «деколонизацией». Цымбурский здесь, однако, настаивает на (еще один загадочный зверь!) «геоидеологическом импульсе» к формированию особого пространства России, толкающем русских к конфронтации с Британией как «авангардом западной цивилизации». Но зачем умножать сущности? В XIX веке речь шла о неизменном факторе **противодействия Англии** русскому стремлению на Ближний Восток через Проливы, а в XX веке речь шла **о союзах с Англией**, причем в страшных войнах, которые в России мыслились как – обе! – отечественные.

*

Опять-таки тонкие суждения о том, что Россия продвигала и провоцировала то США, то Иран на роль «региональных агрессоров». Но это непреходящая тактика дипломатии страны-лидера. В XX веке мы обнаружим ее в дипломатии Сталина относительно Югославии и Польши, которые также выстраивались Москвой под функцию «региональных агрессоров». И которые – блестящая катастрофа стратегии – стали вечной проблемой СССР до конца его дней.

*

Геополитика: влияние на мышление. Геополитическое сознание **монофакторно**. Как правило, геополитик оперирует каким-то одним фактором в качестве главного. Например, выяснив вдруг, что обыкновенный лоббизм играет немалую роль в санкциях против РФ, геополитик обращает и этот компонент в **субъект**: вот какие низменные интересы стоят за так называемыми принципами! Вообще геополитическое мышление не дружелюбно к реальности. Окидывая взором большое мировое поле, оно подозревает прячущуюся «за всем этим» западную, вражеский камуфляж. Геополитик рвется к «большой шахматной доске», лишь чтобы выискать и вытащить из-под игрового стола спрятанного под ним злого карлика.

Есть восточный психотерапевтический принцип, общий с реалистическими школами мысли: **факты – дружелюбны**. Геополитик глядит на вещи искоса, не

собираясь с ними дружить, ни даже сосуществовать. Отсюда: страна, понятая как пространство страны (первое упрощение), которой мыслит геополитика, лишена автономной не-геополитической динамики. Она заранее исключена, вычтена из мира, с которым борется или просто отбивается. Мир – в почти полном расхождении с большинством русских учителей и мыслителей XIX века – не есть ни место России, ни ее предмет. Тем самым и XVIII–XIX века России в их установившемся для русской традиции значении этически императивного опыта – выпадают. Русской культуре здесь просто не оказывается места. И приходится конструировать взамен нечто искусственное как замещающее старое свое.

4

Любопытно замечание Цымбурского, что объединение Италии может быть описано как проекция международных интриг на национальное строительство. Оно заставляет вернуться к середине XIX века и выдвинуть догадку, не претендующую, впрочем, на ранг гипотезы.

Действительно, изобретение Италии – общий продукт Наполеона III, революционера после смерти революции, и Гарибальди – вынужденного революционера, а на самом деле – европейца в отсутствие объединенной Европы. Проект продиктовал Европе новое пространство, навсегда потрясши геополитическое воображение. Но и тут геополитика проявляет неудалимый порок **портретной модели**. Да, Италия в XIX веке действительно была спроектирована в очень специфичном моментальном пространстве, созданном европейскими революциями, их палачами-душеприказчиками, вроде Наполеона III, и своекорыстными эксплуататорами этого, вроде Бисмарка. Но этого никак не вывести из структуры пространств – зато легко представить в рамках хорошо написанной европейской истории.

Уж не несет ли геополитика внутри себя импринтинг истории позапрошлого века? С его устойчивыми проблемами, наподобие «восточного вопроса», с его бесчисленными «священными» и «вечными» союзами, нарушение которых обдумывалось сторонами уже в момент их заключения? С его невероятными супер-персонажами, стоящими, по современному курсу, целых сверхдержав. Таков император Николай Павлович – в непрочном, но программном, роковом для русской культуры союзе с Александром Пушкиным. Таковы оба Наполеона – и последний чуть ли не более чем первый. Таков же, разумеется, Бисмарк – любимейшая из кукол геополитиков, затасканная теми до полной потери различимости матрешки – гениального тактика и тончайшего политконсультанта императоров внутри довольно среднего стратега. Не пытавшегося ничего строить на вечные времена.

*

Перевертывание событий в геополитике. Австро-Венгрия в XIX – начале XX века – Мекка геополитиков. Могу предположить, что, не будь Австро-Венгрии, геополитика не возникла бы. Империя-пространство без каких-либо национальных или хотя бы устойчивых границ,двигающаяся по Центральной Европе, подобно гигантскому неповоротливому крабу, то на север, то на юг, то на восток, занимала колоссальное место в переживаниях дворов и дипломатов. Вот уж шедевр геополитического воображения.

Только после исчезновения державы Франца Иосифа, к концу XX века мы осознали, сколь многое возникло внутри нее (как, впрочем, и гитлеризм, и идея политического сдерживания России). Но уже забыто, что к началу XX века этот черновик ЕС на самом деле не считался уже великой державой и, не будь сараевского убийства, продолжал бы сходить на нет, зато к вящему процветанию внутри него наук, литературы и философии. Но венский двор, справедливо уви-

дев в убийстве наследника шанс вернуть позицию великой державы, – развязал войну. И если вернуться в лето 1914 года, всё не только выглядело – оно и было в каком-то смысле действительно так. Война была еще и последним способом для дуалистической монархии удержать интерес Берлина и союз с ним. Всё очень логично, но эта логика привела к концу.

А все разговоры о Проливах, Балканах, естественных границах, славянском единстве и т.п. – малозначимый флер на празднике похорон заживо предпоследнего проекта объединенной Европы (если не засчитывать нацистский за полноценный).

Политика сильнее пространств. Но это же относится и к ошибочной политике тоже. Неверный шаг – и пространство ушло из-под ног.

*

Неудивительно, что такой призрак XIX века, как геополитика, в XX веке был обманут. Геополитика не предвидела сингулярности перехода структуры мира в новое состояние. Но не предвидела она и мощи инерции архаического. Гефтер в принципе отвергал какой-либо теоретический смысл геополитики. Когда он говорит о трагедии мира после 1945 года как мира, не нашедшего себе адекватного языка и пожранного «чудовищем геополитики», он именуется симптомом патологии, а не ссылается на науку.

Едва ли создание НАТО можно рассматривать как материализацию Больших Пространств Маккиндера и Хаусхофера. Скорее само НАТО являлось ожившим архаизмом в умственном вакууме конца 1940-х годов – где ничей мозг не успел сформулировать альтернативу открытого мира.

5

Цымбурский признаёт, что сквозной чертой, объединяющей разные школы геополитики, является ее **проектность**. В этом и есть раскрытие тайны геополитики. В основе ее – воля проектировать действия именем «самой реальности», – но не исследовать. Исследование в политике всегда лишь материал для демаркации политик либо коллекция примеров, не подлежащих Попперовым критериям испытания истинности.

Весьма любопытно приведенное Цымбурским со ссылкой на академика Тарле суждение, что геополитика думает «о будущей географии, а не о настоящей». Но ведь будущее не может быть никак проверено, и «реалистические суждения» о нем абсурдны как таковые. Воля, желание здесь, несомненно, – мотив утонченного геополитика. Он позволяет себе желать картины результатов исследования еще до того, как ее найдет. Здесь обнаруживается сходство с марксистским коммунизмом, который также торопился изменить мир, исследуя его лишь по ходу и в необходимой для этого степени (отчего сам классик, не утративший навык интеллектуального любопытства, заявлял: «Сам я не марксист»).

Есть еще один интересный момент, позволяющий предположить, что геополитика появляется в ответ на то, что Гефтер именуется «уходом исторического» из жизненного мира *homo sapiens*. Всплески геополитики – в конце XIX – начале XX века, в 1930-х, затем в 1940–1950-х годах и, наконец, в начале XXI века – совпадают с обнаружением тупиков – пределов *homo historicus* и органичного для него, то есть исторического, политического действия. Определению Цымбурским старта геополитики как «волевого политического акта, отталкивающегося от потенций, усмотренных в конкретном пространстве», – не достает продолжения: «...при дефиците ресурсов исторического действия и его инструментария».

Я, пожалуй, согласен с Цымбурским в том, что геополитик «исследует мир в целях проектирования, а часто также и через его посредство». Это попытка

удержать конструктивизм исторического действия, нараставший внутри мировой истории от XVIII к XX веку, – ценой избавления от исторического опыта, замененного политической картой мира.

*

Кто кого? У Цымбурского в перечне вопросов о существовании геополитики – перечне довольно дискредитирующем – есть такое определение: «множество разнородных знаний, методов и идей, сообща служащих целям политики». Да, но это можно и обратить: не политика ли создала геополитику под себя, в функции отчасти прикладной дисциплины, отчасти – суррогатной идеологии? А вернее, то и другое вместе: гаджет, возведенный в ранг науки.

*

Геополитика как боевое искусство. Тонким надо признать и замечание Цымбурского о «стратегическом блоке геополитики», преобразующем картины мира в цели и задачи конкретного игрока. Здесь скрытым образом вводится та самая личность, что прежде была изгнана геополитическим этатизмом. Вводится в роли политического потенциала – каковым она и является, часто – в решающей степени. Это сразу убивает интерес к геополитическим кубикам из глобуса, нарезанного на гомогенные доли.

Любопытно его представление терроризма как *техники «геополитической акупунктуры* – точечных акций, достигающих изменения имиджа стран, регионов и мира в целом». Здесь он говорит об имажинативном начале в геополитике и даже о «минималистской геополитике, не формулирующей собственных программных геополитических образов и сюжетов ... сводящейся к реагированию на непосредственно воспринимаемые раздражители». Геополитическая акупунктура террора по Цымбурскому – это, конечно, Шамиль Басаев или Бен Ладен. Эти люди стремились не к «организации Больших Пространств», но явно к их разрушению и отчасти (что касается второго) в этом преуспевали. Они не политики в обычном смысле слова и не просто бандиты, – но кто они? Этот вопрос остается нерешенным и даже неинтересным для геополитики во всех известных ее формах. Зато он обслуживает самую популярную и известную каждому **геополитическую конспирологию**. Та завлекает миллионы умов «совершенно очевидными» догадками о том, «кого обслуживают» мастера террористической акупунктуры.

*

Геополитика как оружие обороны. Притом, что российская геополитическая макулатура выглядит комично, нельзя не заметить, насколько вся она проникнута идеей **защиты**. Это акцентированность, сама по себе подозрительная для теории. Даже в теориях войны и военной стратегии оборона занимает не столь премиальное место. Здесь ярко выступает невротический мотив нашей геополитики, делающий чтение ее истинным пиром психоаналитика.

Склонность прагматики русских пространственных теорий к выстраиванию защит и оборон убийственно разрушительна для решения собственно важной рациональной задачи – *защиты пространства*. Недаром «выстраивание защит» – известнейший симптом целого ряда психических расстройств.

6

Геополитика для Цымбурского – это место, которое он оборонял в ожидании появления науки о России. Не страноведения – а наукоучения страны, все теории и школы мысли которой не помогли ее понять и не дают ключа к происходящему с нами. Отсюда интерес к проектным аспектам геополитического – что отмечает и сам Цымбурский, говоря, что геополити-

тические тексты выстраивают картину мира из политизированных образов, «закладывая в нее программу действий для России, обычно олицетворенную ее правительством».

Должен признаться, что, читая рукопись Цымбурского и выдвигая едкие критические догадки в адрес геополитики, я не раз через несколько страниц встречал их уже как критику со стороны самого Цымбурского. Это касается и очевидной «проектности» мотивов геополитика, и склонности геополитиков к «вчитыванию политического в неполитические субстанции» (формула самого Цымбурского). Он ясно видит, что конструкции геополитики не обращены к научному сообществу, но к субъектно организованной, политически действующей части общества – так называемому политическому классу.

В глазах такого историциста, как я, геополитика, разумеется, выглядит неправомерным вторжением в сферу действия мировой истории и одержимых ею авангардов. Но после того как все без исключения авангарды свернули себе шею, к чему удивляться, что на арену вышли уцелевшие геополитики? В каком-то смысле ситуация перевернулась – теперь былым «творцам мировой истории» приходится объяснять, что они имели в виду – и что именно собирались сделать с нациями и сообществами, превращенными в инструмент будущего?

Геополитик в сравнении с коммунистом XX века просто шалун, вроде гопника из предместий, который редко-редко позволяет себе выйти в центр для драки. Не геополитики развалили империи XX века, как либеральные, так и тоталитарные. Не геополитики несут ответственность за числа жертв с несчетными нулями. Хотя, разумеется, геополитики очень завидуют историцистам и рвутся изо всех сил на их место – порулить. Но мотив их несколько не консервативен!

Цымбурского это настораживало. Он предупреждает против геополитического идеализма, убеждающего «народы и государства жертвовать ... самим своим суверенным существованием ради суверенитета Больших Пространств». Здесь еще раз нужно отметить правоту Цымбурского даже там, где ее не хочется признавать. Визионерство внутри геополитической традиции, безвредный пережиток эпохи арт-деко, помноженный на 3D визуализации XXI века, породило не сон разума, а его умерщвление. Речь уже не об «убеждении суверенитета жертвовать собой», а об инструментализации суверенитета для нужд мелкой текущей политики.

*

За последнее десятилетие, а вернее бы сказать – тридцатилетие, назрела и перезрела **задача понимания России**. Эта задача не покрывается исследованием трудных вопросов русской политики, истории, социальной жизни и онтологии. Скорее надо говорить о загадочной избирательности взгляда последних десятилетий, который замещал не проясненную и даже не поставленную проблему поспешным суждением и императивной оценкой. Классическим случаем здесь являются события, которые, даже при простом их назывании – и это ощутимо для каждого – вызывают внутреннюю эмоциональную и недружественную мобилизацию присутствующих, мотивированных при этом по-разному. Достаточно простого упоминания. Например – «реформы кабинета Гайдара», «1990-е годы», «катастрофа СССР», «ваучерная приватизация», «путинское большинство» и «политика стабильности».

Можно подумать, что это касается исключительно острых тем, раскалывающих общество по сей день, но это не так. Такие темы раскалывают мозг еще до того, как расколют общество. Мышление отказывается принимать к сведению эти предметы и возвращаться к ним как к вопрошаемым. Там целые залежные земли неопознанного, неразличенного и нескрытого. Среди них и совершенно безобидные на слух, как, например, «проблема ларька», «проблема челночников»

и т.п. Некоторые из проблем табуированы лишь временно, а проходит какой-то период – и позволяется не только о них рассуждать, но и изучать их. Я бы предположил, что этот период «передержки» как раз равен времени актуальности самого изучения – после чего предмет если не исчезает, то мумифицируется, антиквизируется и руинируется, становясь политически стерильным для ума.

Вероятно, уже описание самих заглушек и табу позднесоветского-постсоветского мышления представляет собой также запрещенную себе нашим сознанием зону. Этих механизмов много, они разнообразны и генерируют различные категории исключенного российским мышлением – либо генерирующего сами эти табу, что не исключено.

Разумеется, легко стать в позу (и это неоднократно делалось, что легко проверить), сказав: пришел час, когда нам нельзя более терпеть столь бессмысленное прозябание в реальности, которой мы не знаем! Но тут возникает дежа вю. Голос подозрительный по ямбу напоминает нам, что мы впали в цитирование знаменитых слов Юрия Андропова 1983 года о «незнании страны, в которой мы живем», которые в свою очередь были парафразом.

Итак, слишком многое говорит, что нам не удастся и, весьма вероятно, не удастся продвинуться в мышлении о России сколько-то далее места, где мы находимся – и где находится далее невозможно ни ментально, ни морально, ни эстетически. Двигаться придется, и движение в его начальной фазе будет происходить, что неизбежно, – в почти бессмысленной или абсурдной форме.

Никакого периода интеллектуальной подготовки к тому, с чем мы встретимся в скором времени, а именно – к реальности, у нас не будет. Посему программа критической активности, критических разработок или даже исследований, которая бы началась (допустим) прямо завтра, имела бы значение только при обдумывании причин неминуемой катастрофы того грядущего старта, который еще и не начался. Это дало бы шанс на то, что та будущая неудача, которая наступит вскоре вслед за эйфорией начала, попадет в должный интеллектуальный контекст, и дитя на сей раз не будет выплеснуто вместе с грязной водой следующей «великой реформы» или «перестройки».

Но здесь же и большая трудность, заключенная в неопределенности и неочертанности поля неведомого. Блажен, у кого есть уже импортированная концепция или иной карго-дискурс, а если нет? Именно поэтому, быть может, феноменология современных аутозапретов и аутозабуирования русского мышления помогла бы помочь прощупать это тело неясного, неведомого.

Еще до того, как мы признаемся себе, что чего-то не знаем, нам придется признаться в том, **как** именно мы не хотим знать и какие именно увертки ума от знания мы уже накопили.

*

Цымбурский остановился на пороге преодоления геополитики по пути к науке о России. Он отметил возможность того, чтобы в рамках политологии выделилась отрасль, «занимающаяся геополитикой как изучаемым типом политической мысли и политической практики». Он предлагал для этой отрасли название **геополитологии**. Здесь мы возвращаемся к исходной теме – вернее, к исходному вызову наших дней – вакууму понимания России и ее поведения. Но В.Л. Цымбурский здесь оставляет для нас важную, не развернутую им догадку.

Ибо такая наука действительно должна была бы быть *наукой об изучающих Россию субъектах и о применении ими изученного*. Разумеется, она должна была бы изучать в том числе и российскую геополитику, равно как западные опыты с «кремленологией», «советологией» etc. Всё это такая наука рассматривала бы в длинном ряду, от «теорий заговора» до НЛП и «пиара» – то есть прагматиче-

ских проекций интеллекта на русскую политику. Равно и политических запросов на интеллект. В этом случае **политтехнологии** по-российски также оказались бы предметом изучения, причем в контексте их использования и порожденных этим аббераций. Сюда же попали бы и стратегии «медиаполитики», «управляемых медиа», «суверенной демократии» и «подавляющего большинства».

Иными словами, предметом должен оказаться способ мыслящего обращения России с самой собой – с Россией же. Но этим наукоучением едва ли явится геополитика как таковая.